

Б.Ю.Кагарлицкий,
кандидат политических наук,
Институт сравнительной политологии РАН

Происходит ли в России смена элит?

Собравшаяся осенью 1999 г. в Кремле "новая—старая команда" должна была превратить свое очевидное тактическое преимущество в консолидированную власть. И хотя в техническом отношении сделать это было несложно, сразу же начались всевозможные сбои и проблемы. Официальные результаты президентских выборов, состоявшихся 24 марта 2000 г., не стали неожиданностью: В.Путин победил в первом туре, как и было запрограммировано по кремлевскому сценарию. Другое дело, что тотчас же пошли разговоры о фальсификации.

Главная проблема состояла, однако, не в "законной смене прежнего президента на нового", а в выстраивании иных приоритетов. По существу, власть В.Путина ставит перед собой две задачи. Первая состоит в том, чтобы ужесточив систему полицейского кон-

троля, "закрутить гайки" и подавить в зародыше возможные протесты против новой волны "либеральных реформ". Пока никаких признаков массового сопротивления нет, но отсутствие массовой поддержки либерального курса отмечено всеми социологическими исследованиями. Именно потому, что изменения основных принципов экономической политики не предвидится, необходимы более жесткие меры в виде нового административного кодекса, ограничения свободы печати и усиления влияния органов госбезопасности.

Другая сторона той же медали — политика, направленная на наведение порядка и дисциплины в рядах олигархии. В данном случае В.Путин и его окружение поступают с олигархами, как заботливые родители с детьми: они ограничивают и даже наказывают их, но делается это в собственных интересах олигархии, которая при Б.Ельцине вела себя столь безответственно, что навредила сама себе. В конечном счете наиболее безответственная (с точки зрения Кремля) часть олигархов должна быть принесена в жертву на алтарь капитализма.

После многочисленных провалов неолиберализма и в условиях полной дискредитации западнической идеологии российских элит в 90-е годы продолжение курса требует смены риторики. Вместо разглагольствований об "общеевропейском доме" и "возвращении в мировую цивилизацию" населению рассказывают о патриотизме и "возрождении державы". На практике, однако, все лозунги власти являются не более чем прикрытием для продолжающегося развоывания страны местными олигархами и транснациональными компаниями. Режим В.Путина действительно показал совершенную нечувствительность к критике со стороны западных правозащитных организаций. Пожалуй, это единственное принципиальное отличие внешней политики В.Путина от Б.Ельцина. Именно в демонстративном игнорировании международных норм, защищающих права человека, выражается "отстаивание суверенитета" попутински. При этом западные лидеры, слегка пожурив российского лидера за геноцид в Чечне, дружно заявили о поддержке новой власти в Кремле. Причина проста: российская власть продолжает проводить экономическую политику в интересах западного капитала. Более того, российские власти фактически отказались от своих претензий к Западу по поводу расширения НАТО на восток. В вопросах внешнего долга или международной торговли правительство В.Путина оказалось даже более уступчиво, нежели предшествовавшие ему российские администрации. И эта покладистость была оценена по заслугам президентом Б.Клинтоном и премьером Т.Блэйером.

Победив на выборах, В.Путин окончательно воцарился в Кремле, но вся остальная страна продолжает жить как жила. Отсутствие у нового руководства реальной программы — не трюк, не желание избежать критики или скрыть свои намерения. Просто нынешние начальники для того и были поставлены у власти, чтобы, по суще-

ству, ничего не менять. Точнее, бюрократическая активность новой администрации была поразительно интенсивна, но совершенно бессодержательна. В.Путин проводит совещания, на которых не принимается никаких важных решений, ездит по стране, где ему показывают очередные потемкинские деревни, произносит речи, состоящие из общих положений.

Между тем ситуация не могла бесконечно оставаться неизменной. На первых порах команда В.Путина работала на заготовках, оставленных режимом Б.Ельцина. Беда в том, что за все надо платить и В.Путину предстояло столкнуться с долгосрочными последствиями тех самых решений, которые привели его к власти. Сам В.Путин ни одного из этих решений не принимал, во всяком случае единолично. Но и война в Чечне, и досрочные выборы, и превращение православного национализма в некую замену государственной идеологии, — все это уже его игра. Все это придумано ради него и "под него". А потому В.Путину и отвечать за последствия.

Надежды тех, кто полагал, будто "патриотически настроенный" президент положит конец произволу олигархов в экономике, оказались, как и следовало ожидать, пустыми. В июле 2000 г., собрав в Кремле российских олигархов, В.Путин произнес главные слова, которых от него ждали и ради которых, в сущности, его и сделали президентом: пересмотра итогов приватизации не будет. А значит, в России все останется по-старому.

Впрочем, стабильность, гарантируемая В.Путиным, была весьма относительной. Он не мог не только реформировать экономику, но и предотвратить разборки между олигархами. В России оказалось слишком много паразитического капитала, прокормить который страна уже не в состоянии. Кого-то нужно было потеснить. Столкновения между кланом А.Чубайса и группой Б.Березовского, начавшиеся почти сразу после выборов — неизбежный результат этого расклада. Передел собственности развернулся уже осенью 2000 г., когда началась настоящая война вокруг алюминиевой промышленности. Враждующие группировки захватывали заводы с помощью вооруженных отрядов. Одновременно Кремль, сделав ставку на А.Чубайса, начал отодвигать Б.Березовского от рычагов власти. Последний не остался в долгу, организовав критику президентской команды в подконтрольных ему средствах массовой информации. В свою очередь Б.Березовский покинул стены Государственной Думы и начал организовывать фронт среди губернаторов. Результаты этой кампании, впрочем, были весьма скромными — губернаторы не желали открыто ссориться с Кремлем. Но в масштабах страны ссора В.Путина и Б.Березовского не изменила ничего. Для борьбы против олигархии нужно не укреплять нынешнее российское государство, а наоборот, ломать его.

Приход к власти В.Путина, как и всякая смена лидера в авторитарной системе, означал упадок одних олигархов и возвышение

других. Выходцы из партийной элиты должны были уступить дорогу представителям спецслужб, а москвичи потесниться, чтобы дать простор близким к новому лидеру петербуржцам. Например, в качестве приближенного банкира Кремля уже не мог выступать Р.Абрамович, его сменил В.Коган — давний знакомый В.Путина еще по Ленинграду. Стаж работы в спецслужбах стал важным козырем при получении государственных должностей и влияния в частном секторе.

Власть олигархии оставалась неколебима, но для отдельных олигархов могли наступить тяжелые времена. Если Б.Березовский начал войну с Кремлем в значительной степени по собственной инициативе, то другой видный олигарх, В.Гусинский, оказался жертвой злопамятности своих соперников. Владелец холдинга "Медиа-МОСТ" был неожиданно арестован и отправлен в Бутырскую тюрьму. Здесь его вынудили подписать договор о продаже своих акций полугосударственному концерну "Газпром", после чего отпустили с миром. Бежав в Гибралтар, В.Гусинский пытался отыграть ситуацию назад, но было уже поздно. Новые хозяева были полны решимости завладеть принадлежавшими ему газетами и телевидением, тем более, что помимо политических дивидендов это сулило и немалые барыши. Представлять В.Гусинского некоей жертвой диктатуры или борцом за свободу слова нет особых оснований. Принадлежавшие ему средства массовой информации сыграли решающую роль в становлении неолиберального авторитаризма в России, ежедневно на протяжении многих лет обрушивая на зрителя и читателя потоки совершенно бессовестной пропаганды. Но в 1999 г. В.Гусинский сделал неверную ставку на Ю.Лужкова и за это поплатился.

Стремясь укрепить свою власть над регионами, В.Путин и его окружение затеяли административную реформу. Но эта реформа, как и все предпринимавшееся Кремлем в этот период, оказалась настолько противоречивой, путаной и непоследовательной, что, подорвав старые, ельцинские механизмы управления, не создала новых. В.Путин стремился одновременно ослабить влияние региональных элит и получить их поддержку. Реальный выбор для власти был между сохранением примерно сложившегося административного деления при отмене выборности губернаторов (централизм, французская модель государства) и укрупнением территорий до 20-30 "земель" или "штатов", обладающих известной экономической самодостаточностью и способных к развитию полноценной демократической жизни (федерализм, американская, индийская и т.п. модели). Администрация В.Путина решила объединить оба подхода, в итоге получила все их недостатки без их достоинств.

Региональные элиты были заинтересованы в сохранении действующих границ, сколь бы случайными они ни были, ибо в этих границах им обеспечены власть и некое подобие суверенитета. Кремль стремился укрупнить территории. В итоге области со своими губернаторами остались, но были созданы семь федеральных

округов, по которым распределены все субъекты федерации. В.Путин назначил главами округов чиновников, которым теоретически должны были подчиняться выборные губернаторы. Это были люди, лично преданные президенту, но совершенно не имеющие опыта в административных вопросах. Нечто вроде современного варианта древнеперсидских сатрапов.

Мало того, что территории были укрупнены, да еще укрупнены нерационально. Если области были слишком маленькими, то федеральные округа получились слишком большими. Старое деление на области сохраняется, а с ним сохраняются и старые бюрократические элиты, разница лишь в том, что над ними надстраивается еще одно звено управления. Местные начальники, потеряв часть власти, стали еще безответственнее относиться к исполнению своих обязанностей, но остались не менее коррумпированными.

Стремясь поставить губернаторов под контроль, В.Путин реорганизовал Совет Федерации. Отныне губернаторы перестали быть его членами, утратив тем самым депутатскую неприкосновенность. Правда, заменили губернаторов в Сенате не избранниками народа, а чиновниками, назначаемыми областным начальством.

Отмена депутатской неприкосновенности для губернаторов была сильным ходом Кремля. Отныне губернаторов стало можно привлекать к ответственности. Но хотя по закону эта мера касалась всех или почти всех, на практике же как и следовало ожидать это распространялось только на политиков, не лояльных к президенту. Так, в октябре 2000 г. от участия в выборах был отстранен губернатор Курска А.Руцкой. Напротив, лояльные лидеры регионов могли спать спокойно.

Если для широкой публики создание семи федеральных округов или сатрапий представлялось попыткой, хоть и бестолковой, укрепить систему управления, то с точки зрения бизнеса ситуация представлялась несколько иначе. Люди, овладевшие ключевыми позициями в столице, пытались завладеть ресурсами регионов, потеснить региональные элиты и перераспределить собственность в свою пользу. У самой олигархии было недостаточно инвестиционных средств, чтобы самостоятельно "освоить" российскую провинцию, а потому оказывалось неизбежным "партнерство" с транснациональным капиталом. Другое дело, как отнеслись к этому региональные элиты и население регионов. Если губернаторы, в случае конфликтов, склонны были самоустраняться, то массы все более готовы были протестовать.

В качестве экономической программы Кремль принял план, подготовленный Г.Грефом — еще одним петербургским либералом, близким к В.Путину и А.Чубайсу. Этот план предусматривал отмену прогрессивного подоходного налога и общее снижение налогов на частный бизнес, окончательную коммерциализацию муниципальных услуг, здравоохранения и образования, увеличение пенсионного возраста на пять лет и пересмотр трудового законодатель-

ства таким образом, чтобы окончательно лишить профсоюзы каких-либо прав на производстве. Проект нового Кодекса законов о труде, внесенный правительством весной 2000 г., предполагал постепенный переход от 8-часового рабочего дня к 12-часовому. Тем самым Россия при В.Путине, вступая в XXI в., готовилась стать первой европейской страной, в плане трудовых отношений официально вернувшейся в XIX в.

Если при Б.Ельцине массовая приватизация сочеталась с сохранением какой-то формы государственного контроля за естественными монополиями, то план Г.Грефа представлял собой резкий разрыв с этим подходом. Приватизация железных дорог должна была дополняться предложенным А.Чубайсом разделом единой энергосистемы. Это означало, что наиболее современные и прибыльные электростанции надлежит вывести из единой организационно-технологической системы и продать иностранным инвесторам, оставив в рамках полугосударственного акционерного общества "Единая энергосистема России" (РАО ЕЭС) устаревшие и убыточные электростанции. Для страны реализации этого подхода означала бы немедленную энергетическую и экологическую катастрофу уже в 2000 г., однако неожиданно с критикой А.Чубайса выступили именно иностранные акционеры, вложившие свои средства в РАО ЕЭС и не желавшие прогореть вместе с российским государством. Под давлением иностранцев А.Чубайс вынужден был отступить, но от своих планов не отказался.

Хотя план Г.Грефа представлял собой самый радикальный проект неолиберальных реформ со времени Е.Гайдара, внутри администрации он постоянно подвергался критике справа. Советник В.Путина, экономист А.Илларионов, видел в плане Г.Грефа чуть ли не продолжение социализма и требовал немедленно приватизировать все, не делая никаких уступок здравому смыслу. А.Илларионов предлагал даже распродать российский ядерный арсенал, поскольку Соединенные Штаты заинтересованы в его ликвидации и, соответственно, могут вложить в это деньги.

Впрочем, реализацию плана Г.Грефа тормозит не критика А.Илларионова, а неуверенность самой бюрократии. У всех еще свежи в памяти события 1993 г. и "рельсовая война" 1998 г. А потому, несмотря на радикальные заявления, правительство продвигается вперед медленно.

Главным козырем власти на протяжении 1999-2000 гг. были не ее собственные успехи, а неуклонный рост мировых цен на нефть, достигших к концу этого периода 32—34 долл. за баррель. В итоге российская казна, не ударив пальцем о палец, неожиданно получила дополнительные средства, а частный бизнес — инвестиционные ресурсы.

Когда осенью 1999 г. цена на нефть стала расти, казалось вполне естественным, что вслед за резким подорожанием последуют

сокращение спроса и стабилизация рынка, после чего цены пойдут вниз. Весной-летом цены на топливо всегда падают, следовательно, так должно было произойти и в этот раз. К тому же производители нефти сами испугались слишком быстрого подорожания топлива и начали наращивать производство. Между тем рынок как будто взбесился. На рост предложения он реагировал еще большим ростом цен!

Дело в том, что нефтяной рынок — только часть мировой экономики. На протяжении примерно 15 лет огромные средства во всем мире были изъяты из "реальной экономики" и перекочевали в сферу финансовых спекуляций. Россия в данном случае не только не была исключением, но, напротив, находилась в первых рядах, двигаясь в ту же сторону, что и США. Монетаристские экономисты убедили мир, что единственными источниками инфляции являются государственные расходы и печатание бумажных денег. Между тем стремительный рост курсовой стоимости акций в Соединенных Штатах при жесткой политике почти всех центральных банков привел к своеобразной форме инфляции, когда бумажные деньги не дешевели, но спекулятивный финансовый капитал возрастал совершенно непропорционально росту производства. В экономике Запада возник своего рода "инфляционный навес", по-своему похожий на советскую "законсервированную инфляцию" (помните, когда у всех еще росли накопления на сберкнижках, а цены были стабильны). В советской экономике "лишние" деньги рано или поздно создали непреодолимую проблему "дефицита". На сей же раз "лишние" деньги, в конечном счете, обрушились на нефтяной рынок.

Под давлением новых нефтяных цен финансовый "навес" рухнул, и инфляция постепенно выходит из-под контроля, а "лишние" деньги, вырвавшись на свободу, распространяются по всем секторам мировой экономики. Ирония истории состоит в том, что первый нефтяной шок (1973 г.) дезорганизовал систему государственного регулирования и подорвал господствовавший на Западе "социализм распределения" 50-70-х годов. Напротив, второй нефтяной шок дезорганизует систему рыночно-корпоративного регулирования и наносит удар по неолiberaльному капитализму. Если ответом на первый шок был начавшийся, пусть и с некоторым отставанием, сдвиг мировой экономики "вправо", к либеральной модели, то на сей раз наиболее вероятным ответом будет (тоже после некоторой паузы) аналогичное движение "влево". Круг замкнулся.

Постсоветская Россия демонстрирует невероятную открытость, вписанность в мировую экономику. Однако все более очевидным становится несоответствие избранного Г.Грефом, В.Путиным и К⁰ неолiberaльного подхода нарастающей новой глобальной динамике. И призрак большого кризиса, бродивший по западным странам, начиная с весны 1999 г., не может оставить в стороне и Россию. Уже к концу 2000 г. стало очевидно, что в краткосрочной перспективе

возможны два варианта: либо цены на нефть все же упадут и похоронят под собой российский экономический рост, либо они удержатся и тем самым приведут мир к глобальному экономическому кризису, который неизбежно обернется и глубочайшим российским кризисом. Однако кремлевские лидеры никогда не были склонны думать о подобных сложных материях. Они живут лишь сегодняшним днем, оставляя заботу о будущем своей интеллектуальной прислуге.

Подводя итоги, можно сказать, что проект В.Путина направлен на упорядочение и консолидацию того самого олигархического капитализма, что завел страну в тупик 90-х годов. Такая политика не решит ни одной проблемы страны, но это и не является ее целью. Другой вопрос в том, насколько новой политической верхушке удастся успешно консолидировать сложившийся режим и закрепить господство "упорядоченной" олигархии. Первый год прошел успешно, но именно нежелание правящих верхов решать структурные проблемы страны подразумевает, что рано или поздно оно упрется в катастрофический тупик, выходом из которого может быть только полный крах страны или революция. Исходя из такого выбора, я лично считаю революцию далеко не худшим выходом. Хотя к сожалению, и не самым реальным.